

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2025), 127–146
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2025), 127–146
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-3-89-127–146

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ КАРЕЛИИ

Н.В. Лобанова

Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия

E-mail: hopelob@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5168-034X

В статье анализируются локальные особенности, различия и сходные черты петроглифов эпохи неолита памятников Онежского озера и Белого моря. За последние 25 лет обнаружены и детально документированы новые группы петроглифов как на Онежском озере, так и в Беломорье, ранее неизвестными выбивками пополнились старые их скопления. Уточнена хронология и динамика развития наскального творчества на территории обоих памятников, выявлено значительно больше точек соприкосновения авторов наскальных галерей, явных линий культурных контактов и взаимовлияний на определенном этапе развития двух петроглифических традиций Карелии. Автор предлагает новую точку зрения на время зарождения, эволюции и на финал наскальной традиции Карелии, приводит конкретные сведения о контактах и взаимовлияниях между создателями и почитателями петроглифов – обитателями территории восточного побережья Онежского озера и низовьев р. Выг.

Ключевые слова: Карелия, Онежские и Беломорские петроглифы, возникновение и эволюция, проявления взаимосвязи петроглифических памятников

ВВЕДЕНИЕ

Петроглифы расположены в 300 км друг от друга – в юго-восточной (на берегу Онежского озера) и северо-восточной частях (в приустьевой части р. Выг) Республики Карелия (рис. 1). Это яркие и своеобразные памятники, выделяющиеся на общем фоне подобных древностей Евразии по ряду показателей. В отличие от многих эти памятники существовали в узком хронологическом диапазоне – менее одного тысячелетия в рамках развитой и поздней фаз эпохи неолита (примерно во второй половине V – начале IV тыс. до н.э.), сохранились в довольно полном виде

Данные об авторе. Надежда Валентиновна Лобанова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН.

Исследование проведено в рамках плановой научной темы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН №FMEN -2024-0009: «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации», подтема «Археологическое наследие Карелии (мезолит – Новое Время): Особенности формирования в контексте природных и социальных процессов в Северо-Восточной Европе, современное состояние», индивидуальный раздел автора: «Археологические исследования памятников наскального искусства Карелии и сопредельных территорий, их культурного (археологического) и природного контекста».

и с высокой степенью физической сохранности, содержат оригинальные мотивы и детально разработанные впечатляющие петроглифические композиции, почти не встречающиеся на других территориях¹. Места локализации петроглифов, слабо затронутых современной цивилизацией, обладают выразительной ландшафтной характеристикой. Петроглифы занимают гладкие и слегка наклонные обнажения архейских гранито-гнейсовых пород близ уреза воды, на мысах и островах (рис. 2, А, Б; 3, А, Б). С момента открытия Онежских (1848 г.) и Беломорских петроглифов (1926 г.) неизменным было пристальное внимание к этим уникальным объектам². Их территории еще с довоенного времени превратились в своего рода научно-исследовательские полигоны. Исследователи вели здесь целенаправленные поиски и регистрацию наскальных выбивок, разрабатывали различные подходы к их изучению. В 1930 и 1960-е гг. развернулись памятные многим археологам научные дискуссии по таким ключевым проблемам наскального искусства Карелии, как хронология и периодизация, но особенно острые и принципиальные разногласия были связаны с интерпретацией петроглифов, в первую очередь самых загадочных и интригующих изображений – так называемых соляных и лунарных знаков³. Вместе с тем, вследствие явной неполноты фактических сведений не только о самих выбивках, но и об их древнем природно-культурном контексте, в разрешении указанных вопросов не удалось тогда достичь каких-то успехов.

В 1970–1990-е гг. наблюдался большой всплеск интереса к Онежскому комплексу петроглифов. В результате систематических работ исследователей территория памятника заметно расширилась, были открыты новые скопления изображений в северной (п-ов Кочковнаволок, о. Большой Голец) и южной (о. Модуж Малый Гурий, Пери Носе VII) частях памятника, уточнены количественные показатели почти всех ранее известных наскальных полотен⁴. К наскальному искусству Беломорья исследователи вернулись уже в текущем столетии, продолжилось изучение и Онежских петроглифов, и других археологических памятников в их окрестностях⁵. Освоены новые эффективные методы выявления и документирования петроглифов, адаптированные к местным особенностям расположения, качеству скальной поверхности и степени сохранности объектов, часто дополняющие и уточняющие друг друга⁶. Последние 10 лет копии наскальных выбивок изготавливаются на черной рисовой бумаге, на которой четко проявляются рельеф, сохраняющийся и в дальнейшем⁷. Сегодня это один из самых достоверных и объективных способов документирования петроглифов, хотя довольно трудоемкий.

Источниковая база по наскальному искусству Карелии увеличилась, накопилось немало интересных и порой неожиданных фактов, позволивших иначе взглянуть на оба памятники, их соотношение друг с другом, точки соприкосновения и признаки очевидного взаимного влияния как результат контактов создателей петроглифов на определенном временном отрезке. Пополнились новыми данными практически все известные ранее пункты наскального искусства. Среди новых фигур имеются редко встречающиеся и даже уникальные сюжеты и мотивы. Автором использована вся имеющаяся источниковая база о наскальных изображениях Карелии.

¹ Лобанова 2014; 2015а, 285–294; 2015б.

² Равдоникас 1936, 1938; Линевский 1939; Савватеев 1970.

³ Лаушкин 1959, 1962.

⁴ Савватеев 1996; Poikalainen 2000; Poikalainen, Ernits 2019; 2021.

⁵ Лобанова 2007; 2015а, 8–17; Лобанова, Филатова 2015.

⁶ Лобанова 2010.

⁷ Лобанова, Георгиевская 2021.

Рис. 1. Расположение памятников наскального искусства Карелии на карте Карелии

Рис. 2. Ландшафт Онежских петроглифов: А – п-ов Кочковнаволоок. Фото Н.В. Лобановой, 2021 г.; Б – Пери Нос III. Фото Н.В. Лобановой, 2024 г.

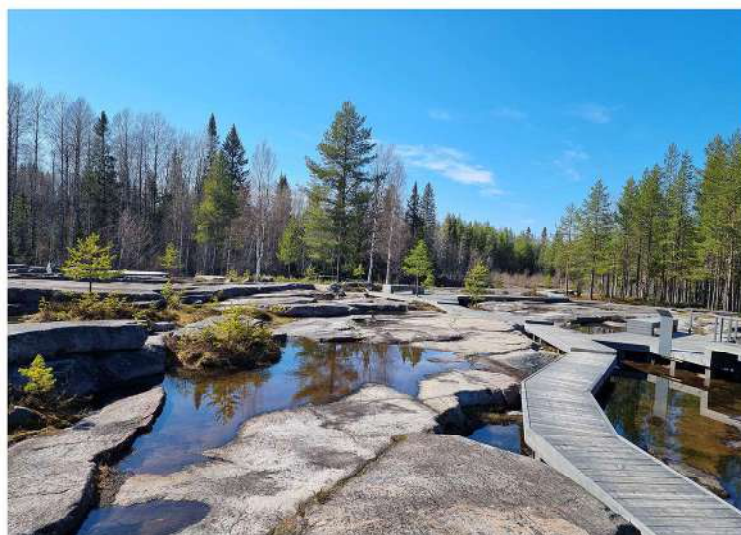

Рис. 3. Ландшафт Беломорских петроглифов: *А* – Залавруга; *Б* – р. Выг во время паводка. Вид на Безымянные о-ва. Фото Н.В. Лобановой, 2024 г.

Безусловно, полноценное исследование должно учитывать и широкий контекст петроглифов вместе с расположенными вблизи от них другими археологическими древностями. Анализ и систематизация всех фактических данных по археологии, геологии, палеоботанике и палеогеографии позволяют более обоснованно и детально представить эпоху Онежского и Беломорского наскального искусства, характер и динамику происходивших в то время природных процессов. С учетом этих материалов существенному пересмотру подвергаются прежние схемы их возникновения и эволюции, предложено авторское видение исторического функционирования памятников, характера и динамики взаимосвязей между носителями двух петроглифических традиций – Онежской и Беломорской.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Петроглифы Карелии в совокупности с окружающим их живописным ландшафтом и иными археологическими памятниками – одни из самых крупных и хорошо исследованных памятников наскального искусства в России. Ряд связанных с их изучением важных проблем, в первую очередь общий период функционирования этих древностей и периодизация петроглифов, их сходство и различие, соотношение друг с другом, в той или иной мере к настоящему времени удалось прояснить. Накопленные фактические материалы по археологии⁸, геологии, палеоботанике и палеогеографии⁹, уточнение датировок всех культурных типов каменного века – железного века Карелии¹⁰ предоставили возможность ограничить время создания наскального искусства Онежского озера и Белого моря примерно серединой V – рубежом V–IV тыс. до н.э. (культуры ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамики среднего и позднего неолита)¹¹. В непосредственной близости от групп петроглифов как на Онежском озере, так и на р. Выг найдены фрагменты таких сосудов, тогда как другие типы посуды не встречены либо присутствуют в единичных экземплярах. Тем не менее некоторые исследователи, используя в качестве основного метода гипсометрические отметки наскальных полотен Беломорья, склонны продлить время активного функционирования этого вида искусства до энеолита¹² или даже до ранней бронзы¹³, хотя оснований для этого сейчас, на наш взгляд, нет. Можно указать на вполне убедительные факты, например, что петроглифы Залавруги и Ерпин Пудаса III около 6 тыс. лет назад вследствие раннесуббореальной трансгрессии были перекрыты мощными аллювиальными отложениями, в которых позже сформировались разновременные культурные слои с датированными по 14С энеолитическими находками. Очевидно, что в посленеолитическое время новые петроглифы уже не создавались. Что касается Онежских петроглифов, то в их окрестностях обитало крайне малочисленное население позднего энеолита с асбестовой и пористой посудой (единичные сезонные стоянки рыболовов), вряд ли оно могло освоить технику выбивки изображений и возобновить чуждую им традицию. Кроме того, в самих петроглифических источниках не прослеживаются какие-то более поздние напластования (как это свойственно

⁸ Савватеев 1977, 288–311.

⁹ Девятова 1976, 88–99; 1986, 7–37, 82–99; Елина и др. 2000; Шелехова, Лаврова 2011.

¹⁰ Косменко 2003.

¹¹ Лобанова 2014; 2015б.

¹² Жульников 2010.

¹³ Janik 2010.

наскальному искусству Скандинавии¹⁴), здесь не выявлены заметные изменения в мотивах, сюжетах, стилистике или технике, которые, безусловно, проявились бы с приходом нового населения после значительного перерыва в наскальном творчестве. Подробно эта тема раскрыта в монографии и статьях автора¹⁵.

Говоря о процессах зарождения и эволюции наскального искусства Карелии, исследователи в основном использовали искусственные стадийные схемы, что приводило к серьезным ошибкам. Интересно, что почти все они делали акцент на анализе различий памятников, оставляя в стороне признаки сходства, впрочем, они не были столь явными и многочисленными, как сегодня. Вопрос о хронологическом соотношении Беломорского и Онежского комплексов петроглифов с 1930-х гг. решался на основании анализа сюжетов и тематики. Принятая тогда в петроглифоведении концепция исходила из того, что наскальное искусство с течением времени менялось от изобразительности к схематизации. В Скандинавии оно развивается от крупных натуралистических форм (мезолит) к более простым, схематичным и абстрактным изображениям меньшего размера, особенно при переходе к эпохе бронзы¹⁶. Петроглифы Карелии принадлежат к кругу северо-европейских древностей, имеют с ними некоторые общие черты, поэтому за основу были взяты скандинавские аналоги. Однако уже в конце прошлого столетия в результате открытия большого числа новых памятников наскального искусства и комплексного их изучения стало очевидным, что процесс развития наскальных изображений не был столь прямолинейным, он мог происходить по-разному, в том числе в противоположном направлении. Оказалось, что крупные и мелкие изображения могли существовать одновременно. Исследователи пришли к выводу, что каждый локальный объект наскального искусства следует рассматривать как отдельный феномен, существующий во времени и пространстве¹⁷.

В.И. Равдоникас отмечал, что для Беломорья характерны реалистические изображения, поэтому они, безусловно более ранние, относятся к стадии тотемизма¹⁸. В Онежском комплексе представлен значительный слой символических, знаковых и фантастических фигур, утративших реалистический стиль¹⁹. К моменту появления петроглифов на Онежском озере тотемизм сменился космическим мировоззрением, а все еще сохранявшиеся здесь тотемические образы наполнились новым, более сложным содержанием. Большинство исследователей согласилось с этой точкой зрения, и во всех научных изданиях до недавнего времени явные различия в мотивах и сюжетных композициях наскальных изображений Карелии объяснялись их разновременностью и именно в таком порядке – сначала появились Беломорские, затем Онежские. В работах Ю.А. Савватеева²⁰ и особенно А.Д. Столяра также уделялось внимание и последовательности заполнения в том и другом памятниках. В ряде статей А.Д. Столяр утверждал, что сходство между петроглифами Карелии лишь поверхностное. Напротив, различия обоих очагов наскального искусства видны по всему спектру конкретных признаков, у них разные уровни и аспекты первобытной концепции мира. Исходя из этого исследова-

¹⁴ Helskog 1988, 31–34.

¹⁵ Лобанова 2014; 2015а, б.

¹⁶ Simonsen 2000.

¹⁷ Helskog 1988; Ramstad 2000.

¹⁸ Равдоникас 1937а.

¹⁹ Равдоникас 1937б.

²⁰ Савватеев 1996.

тель предполагает, что создатели и почитатели петроглифов могли принадлежать далеким друг от друга этнокультурным массивам²¹. По его мнению, первые выбивки на р. Выг открываются Бесовыми Следками, Онежский центр начинается с фигуры Беса и соседних крупных изображений. Отметим, что ни одно из высказанных предположений не подтверждается конкретными материалами.

Сходные представления о периодизации петроглифов Карелии у А.А. Фараджева²². Им предложен новый метод изучения взаимосвязи наскальных выбивок со скальной поверхностью (специальной или неспециальной их встроенности в природные трещины, ледниковые шрамы и т.д.)²³. Он считает, что эта встроенность – неотъемлемое дополнение к изображениям и позволяет наметить различные периоды их создания²⁴. Согласиться с таким подходом к периодизации невозможно, так как он полностью игнорирует данные геологии, геоморфологии, палеогеографии и тем более археологический контекст этих памятников, хорошо изученный к настоящему моменту. Но главное – совершенно непонятно, какое отношение к периодизации может иметь использование древними художниками особенностей природного микроландшафта. Приведенные А.А. Фараджевым примеры наиболее, по его мнению, ранних крупных выбивок (гигантский лебедь на Лебедином Носе, выдра на оконечности Бесова Носа, крупные фигуры животных на Бесовых Следках и др.) в полной мере противоречат современным данным. Неубедительность подобных точек зрения и свой взгляд на проблемы общей и относительной датировки петроглифов изложены в ряде работ автора данного исследования²⁵.

Культурный контекст петроглифов Карелии убедительно свидетельствует о том, что традиция наскального искусства была создана и продолжала развиваться в среде населения культуры ямочно-гребенчатой посуды среднего и позднего этапов ее развития. С учетом установленных факторов – палеогеографической обстановки, гео-геоморфологических условий, датировок археологических материалов разными методами – можно установить самые благоприятные условия для зарождения и развития Онежского наскального творчества примерно 6700 лет назад. В дельте р. Выг оно возникло на несколько сотен лет позже, скорее всего, как результат заимствования идеи выбивок с восточного берега Онежского озера, после чего оба памятника функционировали параллельно, развиваясь по-своему, но контактируя и оказывая влияние друг на друга. Петроглифы прекратили свое существование, вероятно, около 6000 лет назад вследствие серьезных изменений природно-климатических условий²⁶.

Этапы развития Онежских и Беломорских петроглифов установлены нами с помощью комбинированных методов, которые включали тщательный анализ характера, манеры и стилистики выбивок, а также высоты их расположения над урезом воды. Привлекались все археологические находки, обнаруженные рядом с изображениями, в полной мере использовались современные данные естественных дисциплин²⁷.

Наши исследования позволяют предположить, что в своем развитии петроглифы Карелии проходят три последовательных этапа: ранний, (представленный

²¹ Stoliar 2001, 141–143; 2004.

²² Фараджев 2002.

²³ Фараджев 1992.

²⁴ Фараджев 2002, 22–24.

²⁵ Лобанова 2014; 2015б; 2016.

²⁶ Лобанова 2007; 2014; 2015б; 2016.

²⁷ Лобанова, Филатова 2015, 187–195.

только на Онежском озере), средний и финальный²⁸. В первом можно выделить начальную фазу, своего рода «пробу пера». Она представлена небольшими по размеру схематичными фигурами водоплавающих птиц (лебеди и утки), линейными лодками с гребцами и геометрическими символами (круги, полумесяц). Эти изображения появились на Корюшкином Носе на малоподходящих для этой цели плоскостях, довольно неумелой рукой, очень близко к урезу воды²⁹. Изображения птиц аналогичного облика, но несколько более качественного исполнения имеются на о. Модуж, мысах Кладовец Нос, Гажий, Пери Нос I, II и на других скальных плоскостях³⁰. Все эти выбивки занимают наиболее низкие участки над урезом воды. Средний этап Онежского наскального искусства – самый продолжительный – отличается значительным расширением территории комплекса, максимальным разнообразием размеров, мотивов и тематики, а также стилистическими особенностями и приемами, которые ранее не были известны. Прежде всего, это использование природных черт микрорельефа (трещин, даек и ксенолитов), которые становятся неотъемлемой частью образов или взаимосвязанных сюжетных композиций, вероятно, мифологического характера. Наряду с силуэтными получают распространение контурные и частично контурные изображения. Это настоящий расцвет Онежского наскального искусства³¹. Петроглифы находятся уже заметно выше над уровнем воды. Как и прежде, на скалах доминируют орнитоморфные мотивы, но их видовой состав заметно расширился, появляются полуфантастические или гипертрофированные образы водоплавающих птиц (лебедей). В это же время широко представлены сложные знаковые изображения с солярной и лунарной семантикой, разнообразные антропоморфные фигуры, в том числе дуалистического характера – например, человек-лось, человек-лебедь или даже человек-лодка, единичные солнцеголовые персонажи. Скорее всего, в конце среднего этапа появляются первые гигантские фигуры «Беса», налива и выдры длиной 2,5–2,7 м на центральном панно Бесова Носа.

Финальный этап Онежской наскальной традиции существовал довольно короткий промежуток времени, он выделяется довольно легко. Все петроглифы занимают максимальные высотные уровни над водой (1,5–2 м)³² в самой северной части Онежского наскального комплекса на п-ове Кочковнаволок³³. Представлены контурные петроглифы. Круг мотивов и сюжетов резко сужается, исчезают популярные прежде символические знаки, доминируют образы лебедей и в гораздо меньшей степени лосей, единичны изображения лодок, людей, один раз выбита цапля. Особенно впечатляют размеры лебедей – от 1–1,5 до 4 м в длину.

Предложенная периодизация петроглифов Онежского озера находит свое подтверждение в материалах археологических памятников – сезонных стоянок людей в эпоху среднего и позднего неолита, расположенных в непосредственной близости от наскальных плоскостей³⁴.

²⁸ Lobanova 2019.

²⁹ Лобанова 2016, 27, рис. 2.

³⁰ Лобанова 2016, 29, рис. 4, 6.

³¹ Скорее всего, именно на этом этапе начинаются контакты с населением Беломорья, где появляются заимствованные выбивки – лебеди с изящно выгнутыми шеями, типичные онежские линейные лодки и др. изображения.

³² Высокое расположение петроглифов говорит о начале изменений природно-климатических условий в конце атлантического времени – повышении уровня воды.

³³ Лобанова 2016, 30, рис. 5.

³⁴ Lobanova 2014.

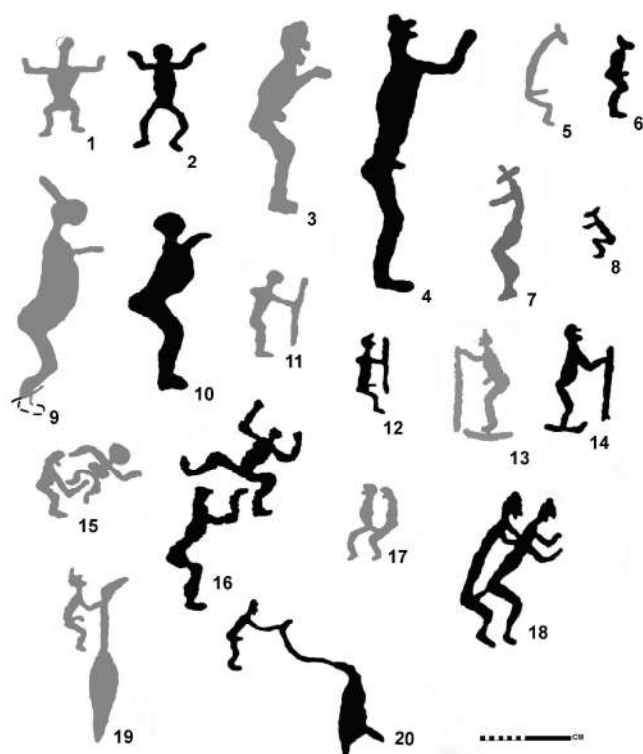

Рис. 4. Сходство антропоморфных образов и сцен в петроглифах Онежского озера (обозначены серым цветом) и Белого моря (черным цветом). 1 – о. Большой Гурий; 2, 4, 6, 10, 11, 15, 16, 20 – Залавруга; 8 – Бесовы Следки; 18 – Ерпин Пудас III; 3, 12 – о. Корюшкин; 5, 9, 13 – Бесов Нос; 7, 14, 19 – Пери Нос III

Рис. 5. Беломорский тип петроглифов на Онежском озере. О. Корюшкин. Рисовая копия, автор С.В. Георгиевская

Проблема выделения хронологических этапов в Беломорском наскальном комплексе вызывает больше трудностей, чем в рассмотренном выше, что связано с недостаточным пока объемом полевых и последующих аналитических исследований. Почти три десятка лет (с 1973 по 2000 г.) они не осуществлялись, так как, видимо, считалось, что на этой территории все уже открыто, описано и опубликовано³⁵. Оказалось, что это далеко не так. В результате систематических полевых исследований нынешнего столетия обнаружены три новые группы петроглифов, а количество выбивок только на одной Залавруге увеличилось с 1400 до более 2000³⁶. Важные данные для понимания эволюции петроглифов на р. Выг и их взаимосвязи с Онежскими изображениями получены на Ерпин Пудасе IV в 2008 г.³⁷ и совсем недавно (в 2019 г.) – на Золотце II (у порога Шойрукша рядом с Бесовыми Следками). Здесь выявлены типичные онежские мотивы – линейные лодки и лебеди, которые можно отнести к самым ранним изображениям, знаменующим начало беломорской традиции. На Онежском озере это средний этап. Более поздними, но близкими к ранним по времени создания можно считать петроглифы Ерпин Пудас I–II, Безымянных островов, часть изображений Ерпин Пудас III, а также некоторые нижние выбивки Бесовых Следков (северная и южная группы). Они еще не объединены в сцены, представляют собой везде похожие между собой изображения статичных оленей, небольших лодок укороченных пропорций, с высокими бортами и без гребцов, белух и птиц. Возможно, что в это время появляются и первые изображения Залавруги, расположенные в прибрежной зоне. Завершение наскального искусства и одновременно его расцвет отражен на Залавруге в многофигурных и очень выразительных сценах, каких нет больше нигде. К финальному этапу относятся три гигантские (почти трехметровые) фигуры оленей на Старой Залавруге, которые В.И. Равдоникас называл выдающимися классическими образцами реалистического искусства Северной Европы³⁸.

Таким образом, в Беломорье можно выделить два периода освоения скал. Общая тенденция развития петроглифов в целом идет в сторону роста числа и усложнения образов, акцента на определенных мелких деталях, включения особенностей микрорельефа в состав больших композиций и т.д.³⁹

Вместе с тем понимание начала, расцвета и завершения северной петроглифической традиции Карелии – все еще актуальная задача, которую следует решать, используя как ранее собранные, так и новые научные данные, которые будут получены в ходе будущих комплексных исследований.

Петроглифы Онежского озера и Белого моря вместе с окружающим их слабо затронутым современным человеком ландшафтом образуют большие первобытные святилища, каждое из которых имеет свою специфику, различия и сходства, чем памятники органично дополняют друг друга. Особенно очевидны различия в ландшафте. В одном случае это безграничный онежский простор, с его волнующейся стихией, которая с шумом обрушивается на прибрежные скалы, в другом – болотистая равнина в разветвленной дельте р. Выг,

³⁵ Основная роль в изучении Беломорских петроглифов принадлежит Ю.А. Савватееву, который в 1960-е гг. открыл новые их группы на о. Ерпин Пудас, Безымянных островах, а также свыше тысячи изображений на Новой Залавруге, где представлены наиболее выдающиеся образцы североевропейского наскального искусства.

³⁶ Лобанова 2010.

³⁷ Лобанова 2010.

³⁸ Равдоникас 1938, 22–23.

³⁹ Лобанова 2022, 414–417.

в 4–6 км от ее впадения в Белое море⁴⁰. Массивы гранитов здесь более однородные и блеклые (равномерно серые) по сравнению с онежскими, которые отличаются красноватым оттенком. В Онежском наскальном комплексе нет таких крупных по площади скальных плоскостей с выбивками (до 1 га), как в дельте р. Выг, но зато встречаются поразительные примеры встроенности изображений в скальный микроландшафт: связь с дайками и ксенолитами (своеобразными природными «холстами»), ледниковыми шрамами и трещинами. В Беломорье взаимодействие со скальной плоскостью носило другой характер⁴¹.

Сходство петроглифов двух памятников обусловлено незначительной разницей в хронологии, общей культурно-хозяйственной средой, взаимовлияниями и, возможно, функциональной ролью мест дислокации наскальных полотен⁴². Различия связаны с локальными традициями⁴³ и художественными предпочтениями создателей наскальных галерей.

Выбивки размещены изолированными группами, однако в обоих комплексах встречаются и одиночные фигуры. Всюду есть крупные и мелкие изображения. В мотивах и сюжетах петроглифов Карелии проявляются общие элементы мировосприятия, религиозных представлений людей, иногда представлены тождественные фигуры и сцены, но все же Онежский и Беломорский комплексы петроглифов развивались во многом самостоятельно. В каждом петроглифическом памятнике можно обнаружить и некоторую свободу творчества: при существовавших канонах один и тот же образ мог быть показан немного по-разному.

Количественный ресурс петроглифов Карелии все еще не исчерпан, он пополняется чуть ли не ежегодно. К 2024 г. число Онежских фигур и знаков достигло 1227. Они сосредоточены в 25 группах на 17 мысах и 6 прибрежных островах, общая их протяженность вдоль побережья составляет 20 км. В Беломорье на компактной площади 1,2 км² зафиксировано 3432 отдельные выбивки в 11 группах (см. таблицу). В обоих петроглифических комплексах выделено 14 мотивов⁴⁴, 5 из которых базовые. На Онежском озере почти половина всех выбивок приходится на орнитоморфные изображения, второе место занимают знаки и символы (17%), затем идут лесные животные (11%), антропоморфные (около 8%) и лодки (5%). Малочисленны или единичны изображения морских животных, следов животных, орудий охоты и рыболовства, змей, рыб, деревьев и украшений. В Беломорье заметно преобладают изображения следов, оставленные животными, людьми, лыжами и лыжными палками (20% от общего числа выбивок) и лодок (около 20%). Далее в порядке убывания следуют орудия охоты и экипировка – гарпуны, луки, стрелы, колчаны для стрел, копья (17%), антропоморфные (10%), лесные и морские животные (8 и 7% соответственно), орнитоморфные (4%). К числу редких относятся морские звезды и «корзины» (0,3 и 0,2%), к единичным – космические символы (солярные знаки, спираль), деревья, змеи и рыбы (от 0,02 до 0,08%).

Как следует из статистики, создатели Онежских и Выгских петроглифов имели особые предпочтения при выборе мотивов и сюжетов, в том числе связанные и с условиями их местообитания (в одном случае на берегу огромного озера, в дру-

⁴⁰ В эпоху петроглифов море было ближе к местам их расположения.

⁴¹ Лобанова 2022, 411–412.

⁴² Лобанова 2016; 2022.

⁴³ В какой-то степени влияние на их формирование оказывала и сама природная среда.

⁴⁴ Сюда не входит категория непонятных и фрагментированных петроглифов.

гом – у моря). На восточном берегу Онежского озера можно наблюдать солнечные закаты, а иногда сразу два светила одновременно. В низовьях р. Выг таких условий нет, поэтому не должно удивлять обилие знаков солнца и луны на онежских скалах как эмоциональная реакция населения (рыболовов и охотников) на впечатляющие природные явления и возникшие на их основе космические культы.

Сравнительный анализ двух памятников наскального искусства выявил несколько десятков аналогичных мотивов и сюжетов. Рассмотрим, каковы же конкретные и наиболее показательные примеры сходства или тождества Онежского и Беломорского наскального искусства.

Образы людей и антропоморфных существ играли важную роль в обоих местонахождениях (рис. 4, 1–20). На Онежском озере резко преобладают фронтальные фигуры, причем многие с фантастическими атрибутами и формами. В Беломорье они почти всегда (есть четыре исключения) показаны в профиль, нередко весьма реалистические. Образы пляшущего человечка анфас обычны в наскальном искусстве, их немало на Онежском озере, при этом, как правило, будто бы в движении: одна рука поднята вверх, другая опущена вниз, и только в двух случаях обе руки подняты вверх (рис. 4, 1). В Беломорье такая фигура только одна (рис. 4, 2), возможно, заимствованная у Онежских художников. Профильные фигуры людей на Онежском озере очень малочисленны, но во втором комплексе их много. На о. Корюшкин (рис. 4, 3) выбито сравнительно крупное изображение мужчины с выделенным носом и бородой, с согнутой в колене ногой и вытянутой вперед рукой – точная копия типичных беломорских персонажей, хорошо представленных на Залавруге (рис. 4, 4). На упомянутом островке есть также небольшое скопление петроглифов, где все фигуры имеют беломорский облик, включая единственного в Онежском комплексе лыжника (рис. 4, 13; рис. 5, 1–11), имеющего многочисленные аналоги на Залавруге (рис. 4, 14). Обращает на себя внимание поразительное сходство женских фигур (рис. 4, 9–10), людей с палками в руках (рис. 4, 11–12), профильных антропоморфов с зооморфными признаками (рис. 4, 5–8). Одинаково выполнены сцены дефлорации и коитуса (рис. 4, 15–18), похожи изображения мужчин, держащих за шею лебедя и его символического прототипа (рис. 4, 19–20).

Орнитоморфные петроглифы доминируют на всех этапах развития Онежских петроглифов, а в Беломорье их не так много. Можно полагать, что все они созданы под явным влиянием Онежских петроглифов (рис. 6, 1, 5) в начале зарождения традиции на р. Выг, особенно птичьи выводки (рис. 6, 2, 6) и изображения лебедей с изящно изогнутыми шеями на онежских (рис. 6, 3, 7) и выгских (рис. 6, 4, 8) скалах. На обоих памятниках имеются единичные фантастические изображения птиц с ушами и лосиными мордами, а также одинаковые двухголовые птицы (рис. 6, 9–10, 12–14).

Среди мотивов животных и связанных с ними композиций прослеживаются близкие совпадения. Медведи с их следами хорошо известны на нескольких группах Залавруги (рис. 7, 2–3), но на Онежском озере обнаружены только в двух случаях (рис. 7, 1, 4), налицо явные заимствования с Беломорья. Кроме того, у двух таких изображений с Бесова Носа и Бесовых Следков интересна необычная деталь: задняя лапа медведя почему-то сильно увеличена (рис. 7, 1–2). Можно предположить, что такая особенность пришла на Онежское озеро с севера. То же самое можно сказать и о любопытных сценах охоты на лесных животных (рис. 8, 11–14).

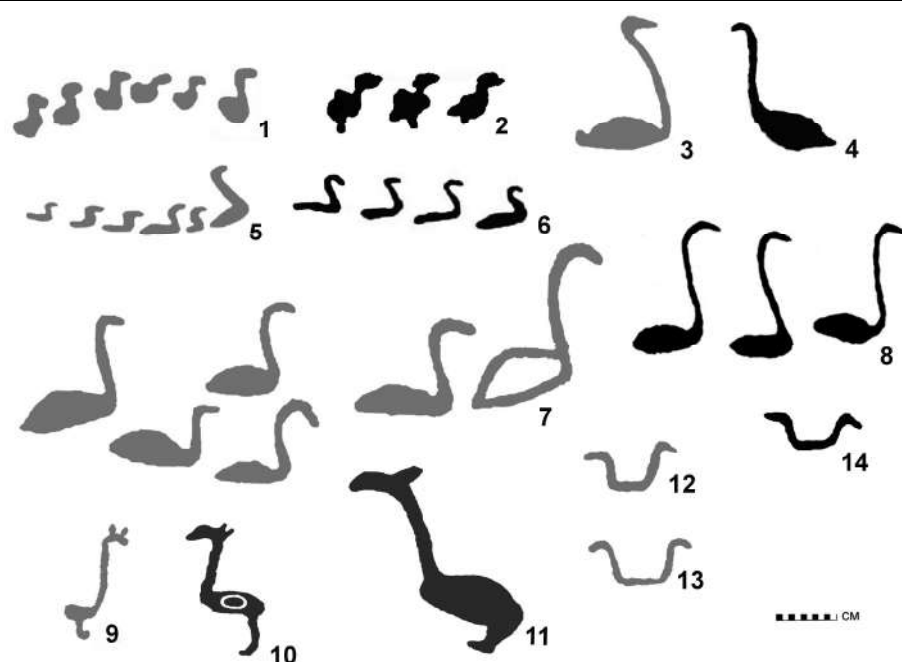

Рис. 6. Сходство орнитоморфных образов и сцен в петроглифах Онежского озера (обозначены серым цветом) и Белого моря (черным цветом). 1 – о. Модуж; 2, 6, 10–11, 14 – Бесовы Следки; 3 – Пери Нос IV; 4 – Ерпин Пудас III; 5 – Пери Нос III; 7 – Устье р. Водла; 8 – Порог Шойрукша; 9 – Пери Нос II; 12–13 – Бесов Нос (центральная группа)

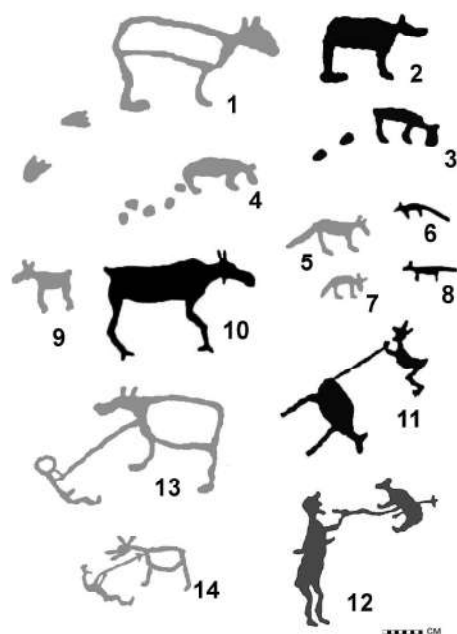

Рис. 7. Сходство образов животных, охотничьих сцен в петроглифах Онежского озера (обозначены серым цветом) и Белого моря (черным цветом). 1, 13 – Бесов Нос (центральная группа); 2, 6, 8 – Бесовы Следки; 3, 10, 11–12 – Залавруга; 4 – о. Корюшкин; 5 – о. Большой Гурий; 7 – Карецкий Нос; 9, 14 – Пери Нос III

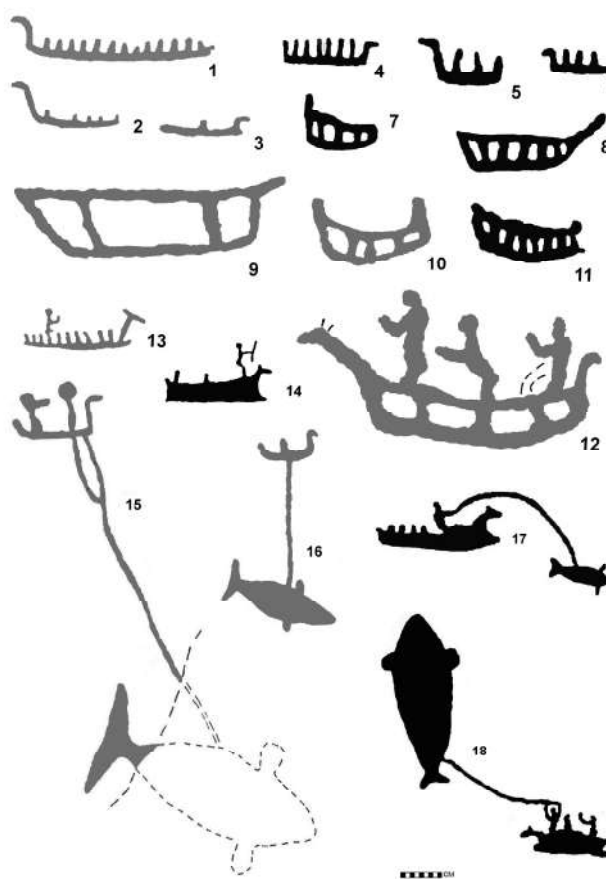

Рис. 8. Сходство изображений лодок, сцен морской охоты в петроглифах Онежского озера (обозначены серым цветом) и Белого моря (черным цветом). 1, 10 – Карецкий Нос; 2–3 – Пери Нос III; 4–6 – Ерпин Пудас III; 7–8, 17 – Залавруга; 9, 12 – Лебединый Нос (п-ов Кочковнаволок); 11, 18 – Бесовы Следки; 13 – о. Большой Гурий; 14 – Безымянный остров I; 15–16 – Бесов Нос (центральная группа)

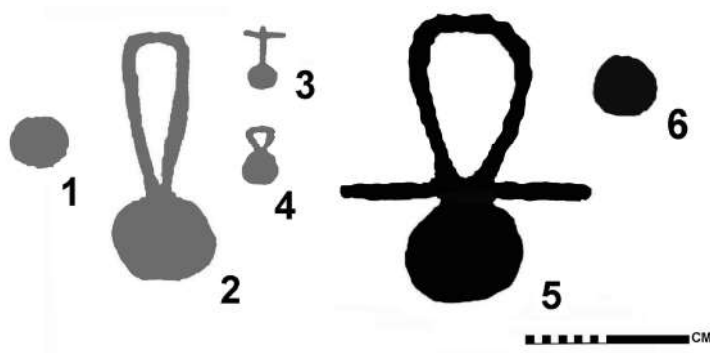

Рис. 9. Сходство изображений космических символов в петроглифах Онежского озера (обозначены серым цветом) и Белого моря (черным цветом). 1 – 2, 4 – Пери Нос VI; 3 – Пери Нос III; 5–6 – Залавруга

Нельзя не сфокусировать внимание на изображениях онежских лодок (рис. 8, 1–3, 9–10, 12–13, 15–16), а в Беломорском комплексе – в группе Ерпин Пудас IV (рис. 8, 4–8, 11, 14, 17–18), открытой автором в 2008 г.⁴⁵ В ее состав входят и лодки онежского облика (линейные, с экипажами и форштевнями в виде лебединых голов) (рис. 8, 4–6). Имеют явное сходство между собой редкие изображения лодок, видимо, другой конструкции (рис. 9, 7–11). В каждом памятнике есть мотив лодки, где наряду со схематичными вертикальными столбиками, показывающими гребцов, мы видим одного человека в полный рост (рис. 9, 13, 14). Еще более убедительные сведения о контактах создателей петроглифов (рис. 9, 15, 16) содержат выразительные сцены морской охоты на белуху на Бесовом Носе, почти идентичные выбитым на беломорских скалах⁴⁶ (рис. 9, 17, 18). Космическая тематика, одна из самых значимых на Онежском озере (рис. 9, 1–4), совсем незначительно, но все же проявилась и в Беломорье в двух случаях (рис. 9, 5, 6).

Таким образом, все представленные мотивы и сюжеты имеют неоспоримое сходство, свидетельствующие о взаимосвязи памятников на определенном этапе эволюции.

Таблица 1.

Статистика мотивов петроглифов Карелии

	Наименование	Онежское озеро: количество/%	р. Выг: количество/%
1.	Следы животных, человека, лыж и лыжных палок	8/0,6	690/20
2.	Лодки	65/5	681/20
3.	Орудия охоты, рыбной ловли и экипировка охотников	4/0,3	576/17
4.	Антропоморфные	92/7,5	334/10
5.	Лесные животные	133/11	290/8
6.	Морские животные	5/0,4	232/7
7.	Орнитоморфные	529/43	144/4
8.	Морские звёзды	-	10/0,3
9.	«Корзины»	-	6/0,2
10.	«Ожерелья»	1/0,08	1/0,02
11.	Деревья	2/0,16	3/0,08
12.	Космические знаки, символы	212/17	4/0,08
13.	Змеи	4/0,3	2/0,06
14.	Рыбы	3/0,2	1/0,02
Всего идентифицированных мотивов		1058	2969
15.	Неопределенные	169/13,8	463/13
Общее количество		1227	3432

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарождение и развитие феномена наскального искусства Онежского озера и Белого моря, выявление и интерпретация пространственно-временных связей и взаимовлияний между их создателями всегда были одними из ключевых проблем. Исключительная сложность тематики, неполнота и противоречивость данных о памятниках, их хронологии и периодизации не позволяли исследователям выработать совпадающие позиции на указанные проблемы, невзирая на острые дискус-

⁴⁵ Лобанова 2010, 19, рис. 13.

⁴⁶ Lobanova 2018.

сии. Проводившиеся в течение последней четверти века полевые работы на территории памятников, поиск и документирование петроглифов с использованием новых комплексных методов дали немало дополнительной и более достоверной информации о хронологии, специфике, различиях и сходстве памятников, а также о последовательных линиях их развития и контактах. Исследования позволили уточнить датировку, разработать периодизацию наскальных полотен, обнаружить новые случаи совпадения мотивов и сюжетов петроглифов двух территорий. На том и другом памятнике выявлены почти тождественные образы, что не может быть случайностью. Эти данные – свидетельства устойчивых контактов, возникших на среднем этапе культуры населения обеих территорий, а также некоторой преемственности творческой практики в ходе эволюции петроглифов. Не исключено, что людей могли связывать родственные узы. Возникшая на несколько сотен раньше петроглифическая традиция Онежского озера, очевидно, дала стимул для появления наскальных изображений в нижнем течении р. Выг.

Безусловно, автор не считает свою точку зрения окончательной и не подлежащей сомнениям, предстоит еще немало сделать для уточнения или решения многих актуальных и сегодня проблем, связанных с неолитическим наскальным искусством Карелии⁴⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Девятова, Э.И. 1976: *Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в Юго-Западном Беломорье*. Л.
- Девятова, Э.И. 1986: *Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера)*. Петрозаводск.
- Елина, Г.А., Лукашов, А.Д., Юрковская, Т.К. 2000: *Последнеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (Палеорастиельность и палеогеография)*. Петрозаводск.
- Жульников, А.М. 2010. О хронологии наскальных изображений Белого моря. *Уральский археологический вестник* 1(26), 62–69.
- Косменко, М.Г. 2003. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменного, бронзового и железного века). *РА* 4, 25–35.
- Лаушкин, К.Д. 1959: Онежское святилище. Новая расшифровка петроглифов Карелии. В сб.: *Скандинавский сборник*. IV. Таллинн, 83–111.
- Лаушкин, К.Д. 1962: Онежское святилище. Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии. В сб.: *Скандинавский сборник*. V. Таллинн, 177–298.
- Линевский, А.М. 1939: *Петроглифы Карелии*. Петрозаводск.
- Лобанова, Н.В. 2007: Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд. *АЭАЕ* 1(29), 127–135.
- Лобанова, Н.В. 2010: Проблемы документирования петроглифов Карелии. В сб.: *Тр. Карельского научного центра Российской академии наук* 4/1. Петрозаводск, 4–23.
- Лобанова, Н.В. 2014: К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера. *РА* 3, 98–110.
- Лобанова, Н.В. 2015а: *Петроглифы Онежского озера*. М.

⁴⁷ Автор исследования выражает свою признательность художнику С.В. Георгиевской за многолетнюю полевую работу на территории петроглифов Карелии. Разработанный ею метод изготовления рельефных эстампажей на китайской рисовой бумаге – один из наиболее востребованных, позволяющих зафиксировать даже слабо заметные на эродированной скальной поверхности петроглифы.

- Лобанова, Н.В. 2015б: Петроглифы в низовьях реки Выг: проблемы хронологии и периодизации. *РА* 4, 16–33.
- Лобанова, Н.В. 2016: Новые данные о периодизации наскального искусства Онежского озера. В сб.: *Альманах северо-европейских и балтийских исследований/Nordic and Baltic Studies Review*. Вып. 1. Петрозаводск, 12–34.
- Лобанова, Н.В. 2022: Петроглифы Карелии в контексте их взаимосвязи с окружающим ландшафтом. *Наследие и современность* 5(4), 406–425.
- Лобанова, Н.В., Георгиевская, С.В. 2021: Черная пленка и черная рисовая бумага: новые методы документирования наскального искусства Карелии (2016–2020 гг.). В сб.: *Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, 18–20 августа 2021 г. Кемерово*. Кемерово, 180–186.
- Лобанова, Н.В., Филатова, В.Ф. 2015: *Археологические памятники в районе Онежских петроглифов*. М.
- Равдоникас, В.И. 1936: *Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря*. Ч. 1. *Наскальные изображения Онежского озера*. М.–Л.
- Равдоникас, В.И. 1937а: Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. *СА* 3, 3–32.
- Равдоникас, В.И. 1937б: Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. *СА* 4, 11–32.
- Равдоникас, В.И. 1938: *Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря*. Ч. 2. *Наскальные изображения Белого моря*. М.–Л.
- Савватеев, Ю.А. 1970: *Залавруга*. Ч. 1. *Петроглифы*. Л.
- Савватеев, Ю.А. 1977: *Залавруга*. Ч. 2. *Стоянки*. Л.
- Савватеев, Ю.А. 1996: Наскальные изображения (петроглифы) Карелии. В сб.: М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина (ред.), *Археология Карелии*. Петрозаводск, 125–148.
- Столяр, А.Д. 1977: Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья. *СА* 3, 12–32.
- Фараджев, А.А. 1992. К вопросу об изучении петроглифов Старой Залавруги. В сб.: *Наскальные рисунки Евразии*. Новосибирск, 98–105.
- Фараджев, А.А. 2002. *Петроглифы Карелии. Возможности исследования взаимосвязи со скальной поверхностью*. Автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М.
- Шелехова, Т.С., Лаврова, Н.Б. 2011: Новые данные о миграции береговой линии Белого моря. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 2(115). *Серия: естественные и технические науки*. Петрозаводск, 24–32.
- Helskog, K. 1988: *Helleristingene i Alta. Spor etter ritualer og dagligiv i Finnmarks forhistorie*. Alta.
- Janik, L. 2010: Development and Periodization of White Sea Rock Carvings. In: *Acta Archaeologica* 81(1), 83–94.
- Lobanova, N. 2014: Experiences Documenting Petroglyphs at Lake Onega, Russia, 1998–2012. In: T. Darvill, A.-P. Batarda Fernandes (eds.), *Open-Air Rock-Art Conservation and Management. State of the Art and Future Perspectives*. Routledge, 98–111.
- Lobanova, N. 2018: Beluga Whale on the Onega Lake Rocks. In: *Whale on the Rock II*. Ulsan, 283–320.
- Lobanova, N.V. 2019: On the Chronology of Rock Art in Karelia. *Fennoscandia archaeologica* XXXVI, 168–179.
- Poikalainen, V. 2005: The Prehistoric Sanctuary at Lake Onega. In: *Myandash: Rock Art in the Ancient Arctic*. Rovaniemi, 250–285.
- Poikalainen, V., Ernits, E. 2019: *Rock Carvings of Lake Onega II*. The Besov Nos region Karetski and Peri locations. Tartu. 610.

- Poikalainen, V., Ernits, E. 2021: *Rock carvings of Lake Onega III. The Besov Nos Region. Besov Nos, Kladovets, Gazhi and Guri Localities*. Tartu.
- Ramstad, M. 2000: Veideristningene på Møre: Teori, kronologi og dateringsmetoder. *Viking LXIII*, 51–86.
- Simonsen, P. 2000: North Norwegian Rock Art. In: *Myandash: Rock Art in the Ancient Arctic*. Rovaniemi, 8–49.
- Stoliar, A.D. 2001: Milestones of Spiritual Evolution in Prehistoric Karelia. *Folklore* 18/19. Tartu, 80–126.
- Stoliar, A. 2004: Oleni Island Cemetery and the First Petroglyphs at Lake Onega. In: *Aurinkopeura 2: Suomen muinaistaudeseuran julkaisu*. Tartu, 15–29.

REFERENCES

- Devyatova, E.I. 1976: Geologiya i palinologiya golotsena i khronologiya pamyatnikov pervobitnoy epokhi v Jugo-Zapadnom Belomorye [*Geology and Palynology of the Holocene and Chronology of Sites of the Prehistoric Era in the South-West White Sea Region*]. Leningrad.
- Devyatova, E.I. 1986: *Prirodnaya sreda i ee izmeneniya v golotsene (poberezhnye servera i tsentra Onezhskogo ozera)* [*Natural Environment and Its Changes in the Holocene (Coast of the North and Center of Lake Onega)*]. Petrozavodsk.
- Elina, G.A., Lukashov, A.D., Yurkovskaya, N.K. 2000: *Poslelednikovye i golotsen Vostochnoy Fennoskandii (Paleorastitel'nost' i paleogeografiya)* [*Postglacial and Holocene of Eastern Fennoscandia (Paleovegetation and Paleogeography)*]. Petrozavodsk.
- Faradzhev, A.A. 2002: K voprosu ob izuchenii petroglifov Staroy Zalavrugi [Towards the Studying the Petroglyphs of Old Zalavruga]. In: *Naskal'nye risunki Evrazii* [*Rock Paintings of Eurasia*]. Novosibirsk, 98–105.
- Faradzhev, A.A. 2002: *Petroglify Karelii. Vozmozhnosti issledovaniya vzaimosvyazi so skal'noy poverkhnosti* [*Petroglyphs of Karelia. Possibilities of Studying the Relationship with the Rock Surface*]. PhD Thesis. Moscow.
- Helskog, K. 1988: *Helleristingene i Alta. Spor etter ritualer og dagligiv i Finnmarks forhistore*. Alta.
- Janik, L. 2010: Development and Periodization of White Sea Rock Carvings. In: *Acta Archaeologica* 81(1), 83–94.
- Kosmenko, M.G. 2003: Problemy datirovaniya i khronologiya pamyatnikov Karelii (kamennogo, bronzovogo i zheleznogo veka). *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*], 25–35.
- Laushkin, K.D. 1959: Onezhskoye svyatilistche. Novaya rasshifrovka petroglifov Karelii [Onega Sanctuary. New Decipherment of Karelia Petroglyphs]. In: *Skandinavskiy sbornik* [*Scandinavian Collection*] IV. Tallinn, 83–111.
- Laushkin, K.D. 1962: Onezhskoye svyatilistche. Opyt novoy rasshifrovki nekotorykh petroglifov Karelii [Onega Sanctuary. An Attempt at a New Interpretation of Some Karelian Petroglyphs]. In: *Skandinavskiy sbornik* [*Scandinavian Collection*] V. Tallinn, 177–298.
- Linevskiy, A.M. 1939: *Petroglify Karelii* [*Karelian Petroglyphs*]. Petrozavodsk.
- Lobanova, N. 2014: Experiences Documenting Petroglyphs at Lake Onega, Russia, 1998–2012. In: T. Darvill, A.-P. Batarda Fernandes (eds.), *Open-Air Rock-Art Conservation and Management. State of the Art and Future Perspectives*. Routledge, 98–111.
- Lobanova, N. 2018: Beluga Whale on the Onega Lake Rocks. In: *Whale on the Rock II*. Ulsan, 283–320.
- Lobanova, N.V., Georgievskaya, S.V. 2021: Chernaya plenka i chernaya risovaya bumaga: novye metody dokumentirovaniya naskal'nogo iskusstva Karelii (2016–2020) [Black Film and Black Rice Paper: New Methods of Documenting Karelia's Rock Art (2016–2020)]. In: *Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii: k 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 18–20 avgusta 2021, Kemerovo* [*Ancient Art in the Context*

- of Cultural and Historical Processes of Eurasia: To the 300th Anniversary of the Scientific Discovery of Tomsk Petroglyphs. Materials of the All-Russian Scientific Conference. August 18–20, 2021, Kemerovo*. Kemerovo, 180–186.
- Lobanova, N.V. 2007: Petroglify Staroy Zalavrugi: novye dannye – novyy vzglyad [Petroglyphs of Old Zalavruga: New Data – New Look]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii* [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia] 1(29), 127–135.
- Lobanova, N.V. 2010: Problemy dokumentirovaniya petroglifov Karelii [Problems of Documenting Karelian Petroglyphs]. In: *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences] 4/1. Petrozavodsk, 4–23.
- Lobanova, N.V. 2014: K voprosu o khronologii i periodizatsii naskal'nykh izobrazheniy Onezhskogo ozera [Towards the Chronology and Periodization of Rock Carvings on Lake Onega]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 98–110.
- Lobanova, N.V. 2015a: Petroglify Onezhskogo ozera [Petroglyphs of Lake Onega]. Moscow.
- Lobanova, N.V. 2015b: Petroglify v nizoviyakh reki Vyg: Problemy khronologii i periodizatsii [Petroglyphs in the Lower Reaches of the Vyg River: Problems of Chronology and Periodization]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 16–33.
- Lobanova, N.V. 2016: Novye dannye o periodizatsii naskal'nogo iskusstva Onezhskogo ozera [New Data on the Periodization of Rock Art on Lake Onega]. In: *Nordic and Baltic Studies Review* 1. Petrozavodsk, 12–34.
- Lobanova, N.V. 2019: On the Chronology of Rock Art in Karelia. *Fennoscandia archaeologica* XXXVI, 168–179.
- Lobanova, N.V. 2022: Petroglify Karelii v kontekste ih vzaimosvyazi s okruzhayushchim landshaftom. *Nasledije i sovremennost* 5(4), 406–425.
- Lobanova, N.V., Filatova V.F. 2015: *Arkheologicheskie pamyatniki v rayone Onezhskikh petroglifov*. Moscow.
- Poikalainen, V. 2005: The Prehistoric Sanctuary at Lake Onega. In: *Myandash: Rock Art in the Ancient Arctic*. Rovaniemi, 250–285.
- Poikalainen, V., Ernits, E. 2019: *Rock Carvings of Lake Onega II. The Besov Nos region Karetski and Peri locations*. Tartu. 610.
- Poikalainen, V., Ernits, E. 2021: *Rock carvings of Lake Onega III. The Besov Nos Region. Besov Nos, Kladovets, Gazhi and Guri Localities*. Tartu.
- Ramstad, M. 2000: Veideristningene på Møre: Teori, kronologi og dateringsmetoder. *Viking* LX-III, 51–86.
- Ravdonikas, V.I. 1936: *Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera i Belogo morya*. Ch. 2. *Naskal'nye izobrazheniya Belogo morya*. Moscow–Leningrad.
- Ravdonikas, V.I. 1937a: Sledy totemicheskikh predstavleniy v obrazakh naskal'nykh izobrazheniy Onezhskogo ozera i Belogo morja. *Sovetskaya arkheologia* [Soviet Archaeology] 3, 3–32.
- Ravdonikas, V.I. 1937b: Elementy kosmicheskikh predstavleniy v obrazakh naskal'nykh izobrazheniy. *Sovetskaya arkheologia* [Soviet Archaeology] 4, 11–32.
- Savvateyev, Yu.A. 1970: Zalavruga [Zalavruga]. Pt. 1. *Petroglify* [Petroglyphs]. Leningrad.
- Savvateyev, Yu.A. 1977: Zalavruga [Zalavruga]. Pt. 2. *Stoyanki* [Stations]. Leningrad.
- Savvateyev, Yu.A. 1996: Naskal'nye izobrazheniya (petroglify) Karelii [Rock Carvings (Petroglyphs) of Karelia]. In: M.G. Kosmenro, S.I. Kochkurkina (eds.), *Arkheologia Karelii* [Archaeology of Karelia]. Petrozavodsk, 125–148.
- Shelekhova T.S., Lavrova N.B. 2011: Novye dannye o migratsii beregovoy linii Belogo morya [New Data on the Migration of the White Sea Coastline]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudatstvennogo universiteta* 2(115), *Seria: estestvennye i tehnikeskije nauki* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University 2(115), Series: Natural and Technical Sciences]. Petrozavodsk, 24–32.

- Simonsen, P. 2000: North Norwegian Rock Art. In: *Myandash: Rock Art in the Ancient Arctic*. Rovaniemi, 8–49.
- Stoliar, A. 2004: Oleni Island Cemetery and the First Petroglyphs at Lake Onega. In: *Aurinkopeura 2: Suomen muinaistaudeseuran julkaisu*. Tartu, 15–29.
- Stoliar, A.D. 1977: Opyt analiza kompozitsionnykh struktur petroglifov Belomorja. *Sovetskaya arkheologia* [*Soviet Archaeology*] 3, 12–32.
- Stoliar, A.D. 2001: Milestones of Spiritual Evolution in Prehistoric Karelia. *Folklore* 18/19. Tartu, 80–126.
- Zhulnikov, A.M. 2010. O khronologii naskal'nykh izobrazheniy Belogo moray [On the Chronology of the Rock Carvings of the White Morai]. *Ural'skiy arkheologicheskiy vestnik* [*Ural Archaeological Bulletin*] 1(26), 62–69.

ON THE EVOLUTION OF PETROGLYPHS AND THE INTERRELATION OF ROCK ART COMPLEXES IN KARELIA

Nadezhda V. Lobanova

Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

E-mail: hopelob@yandex.ru

The article analyzes local features, differences and similarities of Neolithic petroglyphs of the sites around Lake Onega and the White Sea. Over the past 25 years, new groups of petroglyphs have been discovered and documented in detail both on Lake Onega and in the White Sea region, and previously unknown carvings have been added to old clusters. The chronology and dynamics of the development of rock art on the territory of both monuments have been clarified, significantly more points of contact between the authors of rock galleries, obvious lines of cultural contacts and mutual influences at a certain stage of development of the two petroglyph traditions of Karelia have been revealed. The author offers a new point of view on the time of origin, evolution and end of the rock tradition of Karelia, provides specific information on the contacts and mutual influences between the creators and admirers of petroglyphs - the inhabitants of the territory of the eastern coast of Lake Onega and the lower reaches of the Vyg River.

Key words: Karelia, Onega and White Sea petroglyphs, origin, evolution and interactions

